

УДК 321.21

Е. А. Трофимов
кандидат политических наук, докторант
Института государства и права имени В. М. Корецкого
Национальной академии наук Украины

КЛЕРИКАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА КАК ЗАКОНОМЕРНОСТЬ РАЗВИТИЯ МОНОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИИ

Постановка проблемы. Российская политическая система имеет моноцентрический характер. Ее венчает институт Президента РФ или «главы государства». В ранние периоды его аналогами являлись институты: Великий князь, Царь, Император, Генеральный Секретарь ЦК КПСС. Президент РФ обладает широкими полномочиями, принимает участие в формировании всех «государствообразующих органов» и их сателлитов, определяет характер и направленность их деятельности. Образующиеся в процессе ручного управления лакуны заполняются произволом бюрократии на местах, формируя у населения ложные представления о том, что Россией управляют чиновники. Данный концепт выгоден самодержцам, так как с одной стороны, позволяет им дистанцироваться от «дворни»; с другой стороны, держать в страхе последнюю, селектируя «элиту» по принципу лояльности. В существующей системе не остается места государству в современном его понимании, так как основные функции сосредотачиваются у единственного субъекта российской политики – государя [1], а не распределяются между представителями элитного сообщества [2], то есть Российское государство, по сути, есть «государство» [3].

Примитивность «государственной организации» отражается на примитивности общества. Еще М. М. Сперанский писал о том, что российский социум представляет собой военный лагерь: «Россия есть и всегда была государство военное. Гражданские ее установления суть средства, а не цели ее бытия... Начала ее управления были всегда совершенно военные, все и всегда управлялось одними дневными приказами, хотя форма их была различна» [4, с. 16]. Приход в начале XXI века к «государственному» управлению «силовики» и формирование «вертикали власти» укрепили военную организацию российского социума, усилили традиционный для России институт служения: служить «при дворе» лучше, чем быть свободным, так как именно суверен является распорядителем всей российской собственности, а принятие им ключевых политических решений сопряжено не с естественными правами индивидуумов, а с *Regis voluntas*.

Цель статьи. Исследовать клерикализацию российского социума для поддержания российской моноцентрической системы в неизменном виде.

Изложение основного материала. Подчиненные закону развития и усложнения современной демократии приобретает мозаичную социальную структуру. Последнее становится возможным в силу расширения социальных, политических, экономических и иных прав и свобод населения, позволяющих реализовать творческий потенциал индивидуумов. Неотъемлемым для демократического развития стало право человека исповедовать любую религию или не исповедовать никакой.

Данное право закреплено не только в государственных актах большинства стран [5], но и в международном законодательстве [6]. Признание данного права ведет: а) к увеличению числа религиозных объединений с одновременной секуляризацией социально-политического пространства – «традиционные» церкви-монополисты уступают место и влияние небольшим «новым» религиозным акторам; б) к увеличению числа атеистов и укреплению научных представлений в мировоззрении масс.

Данные тенденции просматриваются не столь выражено и проявляют неустойчивый, бинарный характер. Так, в мае 2012 года церковь Норвегии отделилась от государства и встала на один уровень с другими религиозными объединениями, но ответственность государства за поддержание церкви в надлежащем состоянии с государства не была снята. В своей инаугурационной речи в 2009 году президент США Б. Обама отметил: «Многообразие общества очень важно – это сила, а не слабость. Мы нация христиан, мусульман, иудеев, индуистов – и неверующих» [7], подчеркнув наблюдаемую в американском социуме тенденцию деклерикализации, но в дальнейшем, пообещав увеличить роль религиозных организаций в жизни американского общества; а Управление по религиозным и добрососедским программам оказывает финансовую помощь религиозным объединениям, осуществляющим благотворительную деятельность. Несмотря на то, что в Западной Европе принцип светскости государства стал общепризнанным, в ряде стран особую роль сохраняют соглашения между церковью и государством; в некоторых странах государство детально регламентирует механизм создания и деятельности религиозных организаций. Однако в целом, государство утрачивает интерес к религиозным объединениям как к политическим акторам в силу того, что важнейшим механизмом регуляции социальных отношений становится не религия, а право [8, с. 152-153].

Параллельно растет число атеистов. В настоящее время процессы секуляризации активно идут в странах «старой» демократии. Так, исследование Pew Research Center, проведенное в октябре 2012 года, демонстрирует рост числа американцев, не идентифицирующих себя с какой-либо религией. За последние пять лет число людей, не относящих себя к тому или иному религиозному течению, увеличилось примерно с 15% до 20% из числа всех совершеннолетних американцев. Ряды «неверующих» в настоящее время включают в себя более 13 миллионов тех, кто называет себя атеистом и/или агностиком (около 6% от населения США), а также почти 33 миллиона человек, которые говорят, что они не имеют определенной религиозной принадлежности (14% от населения США) [9]. Сегод-

ня в США даже «умеренные консерваторы» отходят от религиозной риторики, религия вытесняется из общественного сознания, становясь маргинальным явлением. В массовой культуре американцев атеизм находит отражение почти повсеместно, набирают влияние атеистические центры, среди которых выделяются фонд «Свобода от религии», объединяющий представителей СМИ, ученых и политиков; а также общественная организация «Атеисты Америки».

Схожий процесс становления атеизма как фактора развития и гуманизации социума наблюдается и в Европейской цивилизации, исторически отличающейся присутствием религиозного компонента в политической сфере. Атеизм, утверждает С. Жижек, способствовал созданию безопасного публичного пространства для самих верующих, а сегодня стал единственной политической силой, которая не делает из них граждан второго сорта, к какой бы конфессии они не принадлежали [10, с. 62]. Французский антрополог, историк и социальный философ М. де Серто в книге «Изобретение повседневности» также рассматривает исчерпание религии в Европе как органическую часть общего процесса глубинной трансформации цивилизации [11, с. 297-298]. На секуляризацию западного мира обращают внимание также П. Бергер, Т. Лукман [12], Р. Робертсон [13], Д. А. Узланер [14] и другие исследователи.

В России секулярная тенденция тормозится, а в кризисные периоды функционирования политики нарастает клерикальный тренд, что связано с заинтересованностью верховного суверена, во-первых, сохранить монополию в религиозной сфере одной или немногих конфессий, таким образом, обеспечив эффективность договорного процесса с церковными иерархами, контролирующими соответствующие группы социума; во-вторых, через связь с религиозными объединениями, выполняющими инструментальные функции, сакрализовать собственный статус в российской политике.

В данном случае уместно было бы обратиться к политической истории России. Как известно, формирование единой державы на Руси начиналось с насильственного вытеснения язычества и внедрения в религиозную культуру христианства, которое способствовало лишению вольнолюбивого народа выбора богов и ускорило процесс формирования отношений феодального господства, встраивания населения в новые политической иерархии, в которых служение Богам подменялось служению «наместнику» одного Бога. Уже Иван III, демонстрируя свой властный статус, заявлял: «Мы божьей милостью, государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, и постановление имеем от Бога, и как прежде его ни от кого не хотели, так и не хотим и теперь» [15, с. 106].

Сакрализация положения самодержца являлась важным элементом укрепления моноцентризма, заставляя монархов идти на подлог [16, с. 38] или формировать новые идейно-политические доктрины и принципы существования персоны государства и церкви.

Сакрализация властного статуса самодержца, получившего «власть от Бога», позволяла рассматривать его персону в качестве гаранта стабильности и безопасности социума, в известной мере сдерживая развитие

олигархических тенденций, в том числе и претензий со стороны церковных иерархов. В отдельные времена последние устранялись с политического поля, но это случалось только тогда, когда религиозные служители выходили за границы дозволенного, проявляли излишнюю самостоятельность или прямо противопоставляли себя самодержцу (например, Никон, сравнивавший себя с Солнцем, а царя – с Луной). Однако, репрессии к религиозным служителям не выходили за рамки общего механизма управления социумом, не превращали «отцов» в изгоев, а ставили их в положение «равнозависимых». В большинстве же случаев, фактор сакрализации позволял церковным иерархам сохранять приближенное положение к тирану, а озарение Русской православной церковью самодержца «божьей благодатью» вознаграждалось политическими преференциями, определяющими ее экономическое положение среди других политических акторов.

Активно самодержцы сотрудничали с церковью во времена политической нестабильности, видя в ней опору своему правлению. Павел I, ставший гроссмейстером Мальтийского ордена, активно поддерживал РПЦ. За время царствования Николая II в России было прославлено больше святых, чем за все предыдущее правление самодержцев, число церквей увеличилось на 10 тысяч, составив к 1917 году 57 тысяч, а количество монастырей – более чем на 250 (к 1917 году их было 1025) [17]. О том, что «набожность» Николай II определялась политическим фактором, свидетельствует заявление митрополита Иоанна (Снычева): «Государь совершенно правильно решил, что сперва должны быть восстановлены соборные начала в церковной жизни, а затем уж, опираясь на ее мощную духовную поддержку – и в общественно-государственной области» [18].

Сакрализирующий фактор имел место и в советский период. Но речь в СССР шла не о принципе «симфонии властей», проявившемся на закате системы, а о замене православной религии марксистско-ленинскими догмами, превращении «государственных» служителей в служителей «религиозных», замене христианских икон коммунистической атрибутикой – портретами и бюстами секретарей (ЦК РКП(б), ЦК КПСС), олицетворявшими собой рабочий класс и крестьянство; партийным уставом и партбилетом, которые носили, как и христианские иконки рядом с сердцем. Как заметил М. Г. Курдюмов, СССР представлял собой безобразную карикатуру на старую самодержавную Россию до 17 октября 1905 года, в которой так же, как в России царской, полнота прав определялась принадлежностью группе, разделяющей соответствующую религиозно-политическую доктрину [19, с. 67]. «Коммунизм – та же религия <...> – замечает епископ Варнава. <...> Коммунисты берут у ненавидимой ими религии и попов то же самое! У нас крестины – у них октябрины, у нас крестный ход – у них демонстрация, у нас кресты, хоругви и иконы – у них портреты вождей и плакаты, у нас мощи угодников Божьих – у них тоже «мощи» на Красной площади» [20, с. 351]. Но даже в советский период церковные иерархи чувствовали себя комфортно, выполняя поставленные партией задачи [21].

Клерикализация политической жизни дополняет мифологизм политического сознания россиян и служит важным механизмом поддержания института

«служения», так как «государство» в соответствии с теологической концепцией происхождения генетически восходит к Богу (или его наместнику – сакральной личности, обожествленной народом и представляющей его интересы), подчинение которому является не только обязанностью, но и образом жизни человека.

До президентства В. В. Путина в России складывалась относительно благоприятная среда для становления и развития различных религиозных объединений, что в значительной степени было связано с позицией первого президента России, разделяющего принцип светскости государства. В своих выступлениях Б. Н. Ельцин не только подчеркивал недопустимость нарушений права граждан на свободу вероисповедания, но и принимал конкретные шаги на пути его защиты. Так, в июле 1997 года Ельцин отклонил ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», принятый 370 депутатами Государственной Думы РФ, одобренный Советом Федерации РФ и поддержанный Русской православной церковью, а также 10 другими основными религиозными организациями России, заявив, что «многие положения закона ущемляют конституционные права и свободы человека и гражданина, устанавливают неравенство различных конфессий, противоречат принятым Россией международным обязательствам. Подписание этого закона в том виде, как он был принят Госдумой, неизбежно привело бы к изоляции традиционных российских конфессий. А главное, могло стать поводом для конфликтов на религиозной основе внутри страны» [22].

С президентством В. В. Путина ситуация качественно изменилась. Стремясь к сакрализации собственного статуса, «преемник» приступил к формированию государственно-национальной идеологии на основе православия, которая в дальнейшем вылилась в новую политическую доктрину взаимодействия «государства» и церкви на основе сочетания элементов светскости и православной традиции. Клерикализации подверглись также исламские регионы, но через назначаемых «главой государства» руководителей субъектов РФ, рассматривающих исламские объединения в качестве институциональной основы интеграции региональной элиты и, получившие неформальное право *quoad fieri potest* селективировать муфтият [23].

Процесс клерикализации привел к чрезмерному присутствию религиозного компонента в деятельности «государственных учреждений», правоохранительных и армейских подразделений, учреждений образования и здравоохранения. Катализатором клерикализации явилась слабая урегулированность законодательными нормами юридических и этических аспектов поведения политической и административной бюрократии, что позволило последней исходить из субъективных представлений при решении вопросов, затрагивающих деятельность конфессий, в ряде случаев просто проявлять неуважительное отношение к представителям ряда религиозных объединений [24, с. 71, 72, 76, 79], а в отдельных случаях, прибегать к запрету их деятельности на территории России [25; 26].

Кроме административной поддержки, традиционные религиозные объединения начали получать как прямую, так и косвенную экономическую поддержку со стороны государства в виде налоговых льгот

[27, с. 353-374], передачи в собственность или в долгосрочную аренду зданий, сооружений, культурных объектов и ценностей (РПЦ); обременения государственных учреждений обязанностью оказания научно-методической, организаторской, информационно-технической помощи исламским центрам в рамках установленного государственного финансирования.

Исходя из того, что государственный моноцентризм предполагает наличие моноцентризма идейно-религиозного, или, по крайней мере, воспроизводит установку на становление последнего, а Россия *de jure* рассматривается как правовое государство, трансформации подверглось законодательство, регулирующее механизм создания и деятельности религиозных объединений.

Российские религиозные объединения разделены на два типа: религиозная группа и религиозная организация. Первый (религиозная группа), по сути, представляет собой зачаток религиозной организации и не обладает правами юридического лица. Если ранее для приобретения религиозной группы статуса «религиозная организация» закон устанавливал 15 летний срок, что позволяло говорить о подрыве принципа равноправия религиозных объединений, предоставлении широких возможностей для образования организаций с «традиционными» верованиями, то поправки в ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 30.07.2016 отменили данную норму, *de facto* установив возрастную и территориальную цензу – «достигших возраста восемнадцати лет и постоянно проживающих в одной местности либо в одном городском или сельском поселении» [28], не в меньшей степени сдерживающие формирование мозаичности религиозной сферы в России.

Дискриминационные элементы к «новым» объединениям проявились также в необходимости предоставления ими регистрирующим органам документов, раскрывающих основы вероучения – акта, влекущего/не влекущего признание организации религиозной. Решение о признании/непризнании объединения религиозным может быть связано с ответом на вопрос: «Может ли ищущая признания религиозная организация нести опасность для социума?», который не относится к сфере права и способен формировать широкое поле для политических инсинуаций и запретов со стороны суверен-государства.

Последними законодательными новациями стали требования к учредителям религиозной организации, *de facto* лишаящие конституционного права часть россиян создавать религиозные объединения. В соответствии с российским законом учредителем религиозного объединения не может являться: а) гражданин иностранного гражданства (закон прямо не устанавливает ограничение права россиянина на объединение, но оно вытекает исходя из специфики российской модели) в случае принятия решения о нежелательности его пребывания (проживания) в Российской Федерации; б) гражданин РФ или иностранный гражданин, признанный виновным в соответствии с пунктом 2 статьи 6 Федерального закона от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»; в) гражданин РФ или иностранный

гражданин, признанный виновным в экстремистской деятельности (под понятие «экстремистская деятельность» может быть подведена любая деятельность, затрагивающая интересы Президента РФ); г) гражданин РФ или иностранный гражданин, входивший в состав руководящих органов религиозного объединения либо иной организации, ликвидированной по причине признания ее экстремистской или террористической. В последнем случае, индивидуум лишается права создавать религиозную организацию в течение десяти лет со дня вступления в законную силу соответствующего решения суда, что противоречит принципу презумпции невиновности.

Принятый летом 2016 года ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [29] также установил ограничения на миссионерскую деятельность – регламентации подверглись положения регулирующие место и порядок осуществления миссионерской деятельности, в частности введен запрет на осуществление миссионерской деятельности в жилых помещениях; установлено требование ведения миссионерской деятельности иностранцами – только от имени религиозной организации, пригласившей миссионера и только на территории субъекта или территориях субъектов Российской Федерации в соответствии с территориальной сферой деятельности организации при наличии документа, выданного руководящим органом религиозной организации и подтверждающего полномочия на осуществление миссионерской деятельности от имени религиозной организации.

Выводы. Результаты социологических исследований демонстрируют, что в России верующих граждан больше, чем во многих европейских странах [30]. Причем в странах Европы наблюдается увеличение числа атеистов [31, с. 164], в то время как в России – рост числа верующих, особенно среди лиц с высшим образованием, управленческих работников и предпринимателей [32, с. 92, 96], то есть потенциальных «локомотивов» трансформационного процесса. В последнее время в стране становится все сложнее отделить светское от религиозного, в процессе продвижения русско-советского фундаментализма «государство» ведет ситуацию к необходимости принятия обновленной концепции «Москва-Третий Рим», в которой не только РПЦ рассматривается в качестве оплота стабильности и могущества России, но и техника религиозной экспансии «другого мира» [33]. Солидаризируемся с Н. А. Зорской, что «современный российский авторитарный режим нуждается в традиционализме, обеспечивающем покорность и пассивность основной массы населения; а его развитие сопровождается реанимацией многих советских идеологических и ментальных комплексов, которым сопутствует рост изоляционизма, великодержавности, ксенофобии и национализма, антизападничества. При этом православная этноконфессиональная идентификация у все большего числа российских граждан окончательно обретает черты государственной принадлежности, выступая своего рода субститутотом гражданства. Этническая составляющая православ-

ной идентификации стала выражением упрощенных форм солидарности «своих» в противопоставлении «чужим», в данном случае – «иногородцам» (всем нерусским гражданам России) и «иноверцам» [34, с. 94].

Субинституционализация гражданства на основе религиозной идентификации не только ведет к способности суверена через религиозные объединения управлять политическим поведением индивидуумов в собственных интересах, снижать их участие в управлении социально-политическим процессом [35, с. 53], но и таит потенциальную опасность для развития общества – искусственная селекция религиозных общественных объединений в рамках «традиционных» политико-религиозных ценностей закономерно ведет к формированию религиозного и политического изоляционизма, дауншифтерства и интолерантности, реанимирует религиозно-патримониальные практики, способствует нарушению баланса интересов «государства», личности и религиозных объединений; препятствует плодотворному сотрудничеству народа России с народами других стран. Клерикальный тренд свидетельствует также о перенапряжении российской политики, актуализирующей проблему поддержания авторитета «главы государства». Неслучайно в июле 2017 года, за год до «выборов» Президента РФ, глава синодального Отдела внешних церковных связей митрополит Иларион заявил о необходимости установления в России монархии и отмене выборов [36].

Литература

1. Казанцев Н. М. Государствообразующим институтом у нас является коррупция / Н. М. Казанцев // Проблемы современного государственного управления в России. Материалы научного семинара. Вып. 9 (30). Европейская и российская модели государственного управления: сравнительный анализ. – М. : Научный эксперт, 2010. – С. 75-80.
2. Пивоваров Ю. С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении / Ю. С. Пивоваров. – М. : РОССПЭН, 2006. – 167 с.
3. Трофимов Е. А. Россия: *monozentric stato* / Е. А. Трофимов. – Саарбрюккен : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017. – 320 с.
4. Прутченко С. М. Сибирские окраины. Историко-юридические очерки. Приложения / С. М. Прутченко. – СПб : Типография А. С. Суворина, 1899.
5. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. 1950 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf.
6. Итоговый документ Венской встречи 1989 года представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшийся на основе положений Заключительного акта, относящихся к дальнейшим шагам после совещания. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.osce.org/ru/mc/40885?download=true>.
7. Inaugural address of President Barack Obama. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theguardian.com/world/2009/jan/20/barack-obama-inauguration-address>.
8. Элбакян Е. С. Глобализация в эпоху религии, религия в эпоху глобализации / Е. С. Элбакян // Религиоведение. – 2013. – № 3. – С. 152–153.

9. Nones on the Rise. One-in-Five Adults Have No Religious Affiliation. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.webcitation.org/6Dk8zwMPe>.

10. Хестанов Р. Без креста. Атеизм как антидот фундаментализма / Р. Хестанов // Политический журнал. – 2006. – № 12. – С. 60–63.

11. Серто де М. Изобретение повседневности. / М. де Серто. – Кн. 1. Искусство делать – СПб : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013. 304 с.

12. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.

13. Robertson R. Global Millennialism: A Postmortem on Secularization / R. Robertson / In Beyer P., Beaman L. Globalization, Culture and Religion. – Leiden : Brill, 2007. – P. 18-34.

14. Узланер Д. А. От секулярной современности к «множественным»: социальная теория о соотношении религии и современности / Д. А. Узланер // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 1. – С. 8-32.

15. Шмурло Е. Ф. История России 862-1917 / Е. Ф. Шмурло. – Мюнхен : Град Китеж, 1922. – 206 с.

16. Пуздрач Ю. В. Становление конституционализма в России (теоретический и исторический аспекты развития российской государственности) : дисс... д-ра и. н. / Ю. В. Пуздрач. – М. : Московская гуманитарно-социальная академия, 2001. – 392 с.

17. Император Николай II и Православная Церковь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.3rm.info/3821-imperator-nikolaj-ii-i-pravoslavnaya-cerkov.html>.

18. Высокопреосвященнейший Иоанн Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский: Русь соборная. Очерки христианской государственности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.golden-ship.ru/knigi/8/yoann_snichev_rus_sobornaya.htm.

19. Курдюмов М. Г. Православие и Большевизм / М. Г. Курдюмов // Путь. – 1930. – № 22 (июнь). – С. 66-68.

20. «Дядя Коля» против... Записные книжки епископа Варнавы (Беляева) 1950-1960. – Нижний Новгород : Христианская библиотека, 2010. – 864 с.

21. Докладная записка Г. Г. Карпова В. М. Молотову об открытии в г. Москве православного Богословского института и богословско-пастырских курсов. № 12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rusoir.ru/03print/03print-02/03print-02-212/>.

22. Ельцин: подписание закона о религии могло стать поводом для конфликтов на религиозной основе внутри России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=archive&div=886>.

23. Глава Дагестана встретился с муфтием республики Ахмад-хаджи Абдуллаевым. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mahachkala.bezformata.ru/listnews/muftiem-respubliki-ahmad-hadzhi/57708973/>.

24. Мещерякова А. Ф. Светское государство в современной России: конституционно-правовой анализ : дисс. ... к. юр. н. / А. Ф. Мещерякова. – Саратов, 2009. – 200 с.

25. Определение Верховного Суда РФ № 5-АПГ16-30 от 29 июня 2016 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=1454006.

26. Определение Верховного Суда РФ № 5-АКПИ 17-238 от 20 апреля 2017 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://drive.google.com/file/d/0B-50t2VK7PX5c0VqbXRCcHoxX28/view>.

27. Шахов М. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации / М. Шахов. – М. : Издательство Сретенского монастыря, 2013. – 528 с.

28. О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» : Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 261-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 20 июля 2015 г. № 29 (часть I) ст. 4387.

29. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» : Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 11 июля 2016 г. № 28 ст. 4558.

30. В Бога верят 82% россиян – опрос. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/new/?act=news&div=40607>.

31. Андреева Л. А. Европа: секулярный или постсекулярный мир? / Л. А. Андреева // ОНС: Общественные науки и современность. – 2014. – № 5. – С. 157–165.

32. Зорская Н. А. Православие в постсоветском обществе / Н. А. Зорская // ОНС: Общественные науки и современность. – 2013. – № 1. – С. 89–106.

33. Кремль, Лубянка, РПЦ. Московский патриархат: комиссар гибридной войны. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politica-ua.com/blogi/item/1715-kreml-lubyanka-rpc-moskovskiy-patriarhat-komissar-gibridnoy-voyny>.

34. Москва-Третий Рим. Суверенная модернизация. Экспертный доклад. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/8281-tretij-rim-suverennaya-modernizaciya.html.

35. Дифференциация гражданских и политических практик в России: институциональная перспектива: Научно-аналитический доклад. – М. : Институт социологии РАН, 2013. – 190 с.

36. РПЦ: для России монархия лучше, чем выбор. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cursorinfo.co.il/rpts-v-rossii-monarhiya-luchshe-chem-vybory/>.

Аннотация

Трофимов Е. А. Клерикализация российского социума как закономерность развития моноцентрической политики. – Статья.

Рассматривается процесс клерикализации российского социума, являющийся составляющей процесса укрепления российской моноцентрической политики и предполагающий сохранение самодержавного статуса персонифицированного лидера. В системе внутренних отношений клерикализация направлена на формирование унифицированного идейно-религиозного пространства, ограничение деятельности новых религиозных объединений, нарушение принципа светскости, подмену гражданственности национально-религиозной принадлежностью индивидуумов; в системе внешних отношений – формирование политико-религиозных доктрин, с одной стороны, направленных на изоляционизм; с другой – на экспансионизм. Падение авторитета главы государства в моноцентрической российской политике достигается сакрализацией статуса персонифицированного политического лидера (пралидера) с помощью усиления связи государства с традиционными конфессиями, выполняющими инстру-

ментальные функции (в первую очередь, православные объединения), что позволяет дополнить мифологизм сознания россиян политико-религиозными комплексами, обеспечив искусственную устойчивость самодержавной системе. Методы исследования: диалектический, логический, формально правовой.

Ключевые слова: моноцентризм, клерикализация, архаизация, религиозные объединения, политический процесс в России.

Анотація

Трофімов Є. О. Клерикалізація російського соціуму як закономірність розвитку моноцентричної політики. – Стаття.

Розглядається процес клерикалізації російського соціуму, який є складовою процесу зміцнення російської моноцентричної політики і передбачає збереження самодержавного статусу персоніфікованого лідера. У системі внутрішніх відносин клерикалізація спрямована на формування уніфікованого ідейно-релігійного простору, обмеження діяльності нових релігійних об'єднань, порушення принципу світськості, підміну громадянськості національно-релігійною приналежністю індивідуумів; у системі зовнішніх відносин – формування політико-релігійних доктрин, з одного боку, спрямованих на ізоляціонізм; з іншого – на експансіонізм. Падіння авторитету глави держави у моноцентричній російській політиці досягається сакралізацією статусу персоніфікованого політичного лідера (пралідера) за допомогою посилення зв'язку держави з традиційними конфесіями, які виконують інструментальні функції (насамперед, православні об'єд-

нання), що дає змогу доповнити міфологізм свідомості росіян політико-релігійними комплексами, забезпечивши штучну стійкість самодержавної системи. Методи дослідження: діалектичний, логічний, формально правовий.

Ключові слова: моноцентризм, клерикалізація, архаїзація, релігійні об'єднання, політичний процес у Росії.

Summary

Trofimov Ye. O. Clericalization of Russian society as a development trend of the monocentric polity. – Article.

The process of clericalization of the Russian society, which is a component of the process of strengthening Russian monocentric politics and assumes the preservation of the autocratic status of a personified leader, is considered. In the system of internal relations, clericalization is aimed at the formation of a unified ideological and religious space, the restriction of the activity of new religious associations, the violation of the principle of secularism, the substitution of citizenship with the national-religious affiliation of individuals; in the system of external relations – the formation of political and religious doctrines, on the one hand, aimed at isolationism; on the other – on expansionism. The decline of the authority of the head of state in monocentric Russian politics is achieved by the sacralization of the status of a personified political leader (praline leader) by strengthening the state's connection with traditional denominations performing instrumental functions (primarily Orthodox associations), which allows us to supplement the mythological consciousness of Russians with politico-religious complexes, providing artificial stability to the autocratic system. Research methods: dialectical, logical, formally legal.

Key words: monocentrism, clericalization, archaization, religious associations, political process in Russia.